

Стас Домбровский

13

*Посвящается моей
Соне, маме Эльжбете и
дочери Алисе*

Духовная вселенная Стаса Домбровского

О Стасе Домбровском я впервые узнала в Фейсбуке, когда мелькнула его ч/б фотография с бывшей женой, где он сидит в ее женской одежде, а она — в его мужской, прислонившись к стене, за кухонным столом. Меня эта необычная пара тогда так заинтриговала, что я сразу подписалась на самого Домбровского, а затем и подружилась с ним. Целый год наблюдала, как чета Домбровских готовилась к прибавлению в семействе, нежно и публично провозглашала свою взаимную любовь. Потом у них родилась дочь, и уже тогда, на «Книжном Арсенале» 2016 года, я познакомилась со Стасом лично и предложила ему издать у нас книгу. Первый вариант книги состоял из стихов, посвященных его тогдашней жене, матери его

ребенка. Затем внезапно последовал кризис в их отношениях, и эта чета с громом, молниями и длительным скандалом наконец рассталась. Была сделана пауза. И вот Стас прислал нам новую книгу с новыми стихами, в этот раз посвященными, по большей части, женщине его мечты — возлюбленной Соне. Эту книгу мы и представляем нашему читателю. «Посвященные Соне» — это первая книга стихов Стаса Домбровского, которая вышла в свет, она также открывает нашу серию «Первая книга поэта».

А теперь несколько слов о самом Стасе Домбровском. Кто он такой: эпатажный мим, актер, стихоплет, писатель, художник, наркоман и/или самопровозглашенный сексоголик? В чем его суть? С одной стороны, это человек, который, как гласит идиома на английском «wears his heart on a sleeve», не умеет скрывать свои чувства. Возможно, с ним не легко общаться ни наяву, ни в виртуальном мире, и я вижу, как за последний год он со многими переругался, тем не менее, мне сейчас трудно представить себе Одессу без Стаса Домбровского, он как бы олицетворяет этот город во всех его противоречиях и измерениях, безмолвно, в стихах, в наркологическом безумии, в его харизме и старомодном шарме. С другой стороны, Стас является прекрасным примером одного из юнгианских архетипов, пуэр этернус, (puer aeternus,

с лат. «вечный мальчик»). И именно на эту сторону личности Домбровского я хотела бы обратить особое внимание.

Как пишет ученица и последовательница Юнга, Мария-Луиза фон Франц, об упомянутом архетипе, это «словосочетание заимствовано из «Метаморфоз» Овидия. Так поэт... называет юного бога-героя Элевсинских мистерий. Овидий говорит о нем как о «вечном ребенке» — *puer aeternus* — и воспевает его сакральную роль в этих мистериях. Позднее божественного ребенка стали отождествлять с Дионисом, а также богом Эросом. *Puer aeternus* — божественное дитя, рожденное ночью в Элевсинских мистериях, связанных с символическим культом матери. Он — вечный ребенок и спаситель мира, бог плодородия и избавления от смерти, покровитель божественной юности».

Недавно Домбровский о себе и о своих экзистенциальных переживаниях писал: «Всегда читал, искал и продолжал искать то самое: Бога. Истину. Святое. Абсолют. Остановился я лишь недавно. Но не потому, что нашел, а потому, что принял бессилие и заебался. Чтобы стать счастливым наперекор тому, что жизнь есть страдание — я просто встал и помыл туалет, посуду и протер пыль. Нашел работу. Оставаясь наркоманом и не имея ничего более прекрасного,

чем опиумный приход, смешанный с винтом — прекратил любое употребление любых веществ, меняющих сознание. Стал ли я счастливым? Нет и еще раз нет, но жизнь моя приобрела походку трезвого человека. После пришло время разбираться с дефектами характера — и вот тут оказалось, что все то, что было ранее — пыль в сравнении с тем, что еще предстоит».

И что на это сказала бы Мария-Луиза фон Франц?

Она бы сказала, что бессознательное Домбровского вступило в компромисс с его психикой в поиске того направления, в котором должна проявиться его самореализация. Чтобы он смог дать полный ход своей психической энергии, но столкнувшись с рутинной, не унывал бы и не старался всячески ее избегать, а поддавался дзэну этого рутинного момента, таким образом аннулировав его.

Вот он, вечный ребенок и спаситель мира, в поиске Бога, истины, святого и абсолюта, в условиях как одесских подворотен, казарм, СИЗО, психушек, так и дачных садов, набережной, виноградной лозы. Это он берет на себя, и несет груз непереваренной действительности, пропуская ее целиком через себя. С него — не как с гуся вода, а наоборот, все застревает в его бессознательном и обрушается, затем выплескивается через мат, ор,

стихи, звуки, образы или подвешенное состояние мима. Таким образом, Домбровский является местным одесским катализатором контркультуры лихих девяностых и постных нулевых. Не будучи Одиссеем, он несет тяжелый крест, отказавшись от «вещств, меняющих сознание», опираясь теперь якобы всего на одно вещество — вечную любовь к Соне. Дай Бог, эта любовь поможет ему сохранить связь с Элевсинскими мистериями, и что он ее не расплещет в безграничности своей духовной вселенной.

Как и о писателе Генри Миллере, о Домбровском можно сказать, что его личная жизнь легла в основу его же скандальных текстов, как поэтических, так и прозаических. Поэтому мне Домбровский особенно напоминает таких кумиров моей юности, как Генри Миллер, Кен Кизи и Джек Керуак — и все это бит-поколение с его исповедальным языком и увлечением наркотой. Ибо подвергаясь воздействию наркоты и участвуя во всяких дионисийских свистоплясках, под их влиянием, писатель и художник пытается найти ту утраченную связь пуэра с Элевсинскими мистериями. Ведь и этих представителей бит-поколения тоже можно назвать пуэр этернусами, которым во все времена противопоставляется senex — «вечный старик», в виде литературных мастодонтов, нынче

ностальгирующих по ЦДЛу советских времен, эти мелкие, вялые тени Бабея, Бунина, и Катаева.

Читателю может показаться, что пытаюсь описать творческий процесс Домбровского, я попадаю под влияние так называемой «интенциональной иллюзии», по формулировки американских литературоведов Уимсета и Бердсли, но увы, это не совсем так. Просто я пытаюсь представить Домбровского не только как поэта, но и как современное, даже внелитературное, явление во всей своей совокупности.

Ну, и в заключение, как написал один из виртуальных друзей Домбровского, А.Сандула, об экзистенциальных переживаниях Домбровского на его же стене в Фейсбуке: «Антонио Менегетти в «Онтопсихологии» называет это тоской по Истинному Бытию (гиперреальность), свойственной подросткам, которое мы постепенно забываем после рождения, а потом начинаем называть это «духовной вселенной», малодушно считая её собственной фантазией». Но как по мне, то пусть эта «духовная вселенная» Стаса Домбровского развивается, дополняется и расширяется бесконечно в схватках Истинного Бытия.

Татьяна Ретивова

Внутри

Внутри у Стаса Домбровского прячется сразу несколько человек. Поэтому его есть за что ненавидеть, презирать, восхищаться, любить, завидовать, жалеть, аплодировать и банить.

И есть за что бояться.

Я боюсь Стаса Домбровского из-за того, что сам он не боится вообще ничего. А чего может бояться человек, которого списали из колонии с туберкулезом и СПИДом и выдали маме на носилках умирать, а он не умер. Все умерли, а он нет.

После такого похода на ту сторону добра и зла уже не страшно то, что страшно нам, здешним, обычным, нормальным.

Человека, который воровал по карманам с детства, выходил из колонии, снова воровал и снова садился, и так много лет, все лучшие годы — разве его могут испугать слишком жидкие аплодисменты? Или, например, их отсутствие? Да ему похуй. Стас прилетел к нам с Марса, на Марсе были нары, вертухаи и воры в законе. А еще там были книги, Стас прочел на тюремном досуге все книги, которые я смогу или не смогу даже упомянуть.

Стасу, который пришел с той стороны добра и зла, уже нечего больше стесняться.

Человеку, который двадцать лет употреблял тяжелые инъекционные наркотики, который отбирал у мамы последние деньги, чтобы добыть очередную дозу, который, не будучи геем, трахал опущенных у параша, потому что там, на Марсе, так принято — этот человек не стесняется больше.

Это я — стесняюсь, боюсь, думаю, что сказать, а ему это уже незачем. Вот видит он Труханова — привет, Труханов, я — Домбровский. Видит Саакашвили — привет, Михаил, а дай денег на литературный проект. А, действительно, чего бояться? Даже СПИДом его уже не заразить — поздно.

— Стас, может, мне не стоит читать это на сцене?

— Похуй, Витя, выходи и читай.

— Стас, а зрителям не будет скучно?

— Похуй. Народ, вы хотите читать? Тогда выходите и читайте. Будет зрителям скучно — уйдут. Придут другие. А вы — выходите и читайте. Сядем прямо на улице, возьмем микрофон и будем читать прозу и поэзию. Похуй. Это нам нужно, а не им. Им тоже, но они не в курсе.

А еще у него есть несомненный и яркий литературный талант. И амбиции — ведь он прилетел с Марса всего пару лет назад, снял скафандр и зажил здесь жизнью марсианина на Земле. Не ворует, не употребляет, не сидит, завел

семью, пустил корни и даже иногда ходит на работу — ему есть что рассказать землянам, а им есть чему у него поучиться.

Народ, учитесь. Преодолевать себя, например. Вы думаете, ему не хочется уколоться? Еще как хочется. Думаете, его не тянет спиздить у меня кошелек? Да тянет, хули. А он стоит на жаре в костюме Остапа на Дерибасовской и делает немую скульптуру, и пот стекает Остапу за шиворот, и кидают плохо — но Остап держится, зарабатывает честными способами.

Наверное, он плачет иногда, ведь годы-то ушли, их уже не успеть вернуть, а ему так хочется вот прожить эти двадцать потерянных лет заново, еще раз, с чистого листа, на полную катушку, на две полные катушки, только бы здоровье позволило.

Стаса тяжело любить, его всегда слишком много. Зато легко прятаться в его тени.

— Витя, выходи, не ссы. Расскажи им про анальный секс. Будут возмущаться — все равно читай, похуй, мы заступимся, давай.

Стасик, спасибо, что ты есть. Говно жизни уплывет, и грехи рассосутся — останутся только твои голые стихи и некрашенная проза.

Витя Бревис, писатель

Смею ожидать, что новый сборник гениального поэта и одессита Станислава Домбровского займёт достойное место в моей библиотеке и голове. А ещё я его буду давать читать друзьям, просвещать их лучшим методом — чтением поэзии.

*Анна Гончарова, поэт,
основатель Клуба Поэтов
Черноморки*

Стас Домбровский — человек, открывший, что в Одессе возможен литературный процесс без участия доисторических созданий и исторической справедливости. И уже за одно это Станислав заслуживает ростового памятника в этом городе-умора. И дело не столько в духе самого Стаса, сколько в его стихотворениях. Берите их, пока они не сбежали!

*Ника Иванова, поэт, эссеист,
переводчик, контркультурный
деятель*

Посвященные Соне

«Ты молода, живешь весной...»

Ты молода, живешь весной,
Твои глаза не знают страха,
А я наполненный тоской,
Я полу-бог, полу-собака.

Я сам искал тебя. Нашел.
Но зря. Душа моя иссохла.
Она — как мертвый чернозем.
На сыро-черном серо-дохлым.

Любить. Любить тебя всегда.
Вчера. Сегодня. Вечно-завтра.
Но ты — такая красота,
Где только путь и нет возврата.

Не оправдать. Не обмануть.
Беги, Малыш. Ни взгляда. Мимо.
Я болен и заразен. Ртуть.
На месте крови...
Я бессилен.

Ответственность — не мой удел.
И так греха на душу хватит.

Я Бог для тех, кто поседел,
Собака я для тех, кто плачет.

Потом. Да, может быть, потом...
Даст Он нам встречу за порогом —
Полу-Богини с полу-псом
Как полу-суки с полу-Богом.

«Больной осенний вечер ничто уже не лечит...»

Больной осенний вечер ничто уже не лечит,
И томная прохлада стекает потом с век
Я говорю: «Не надо!» Но листики калечу
Желанием иссохнуть и стать как человек.

Любовь же раздвоилась. Смеется, словно дьявол,
Разбив меня на мелочь больничных баррикад.
С одною дочь играет и пахнет, словно ладан,
С другой девчонка стонет, не требуя наград.

За каждым поворотом я вижу серость бдения
Моих поступков прошлых и страхов из души,
Мол, все это неправда, мол, все это видение
Словес простых, но пошлых, и правды, что
крушит.

Я не могу обратно. Я слышу её запах.
Она сейчас придет, обнимет и простит,

Но ничего такого прощать уже не надо,
Я бросил ошибаться и нем, как паразит.

Как любит грех бездонный — искатель и спасатель,
Так ненавидит честность исконный демократ.
Со мною Бог встречался на равных, как предатель,
Со мною черт не дружит — он мне старинный брат.

Пусть жить уже и нечем, ходить-дышать мне нечем,
Пусть всё я проиграл здесь больному подлецу.
Этот осенний вечер меня, как сон, излечит,
А жалкая прохлада растерта по лицу.

«Сквозь призму окна и с оглядкой на мир...»

Сквозь призму окна и с оглядкой на мир
Я знаю её, что чиста и надменна.
В побеге живом из иллюзий и плена
Она мой фарватер и мой ориентир.

За что это счастье — я так и не понял,
Зачем это горе — я не осознал.
Впервые мне что-то дороже, чем нал,
И каждому слову её — ангел вторит.

Девчонка по сути, но как же права
И так же свята её нежная похоть,
Я с ней научился кусать себе локоть,
Когда все пиздато иль все же пизда.

Простуженным голосом дух мой поёт
Банальное нечто про горя ничтожность,
И стоило б заново всё это прожить
И выжить — лишь только чтоб встретить её.

«Осень совсем не красавица...»

Осень совсем не красавица —
Рыжая женщина в ню.
Мне она очень не нравится,
Но я ее дико люблю.
Тихо одеждой бросается,
Морем безумным плачет,
Грешная — и не кается,
Волосы часто красит.
Выйдет по подоконнику
С верхнего этажа,
Скажет: «Ты жил покойником,
Если не ел с ножа,
Если такой ты маленький —
Даже не убивал,

Я в тебя верю, мальчик мой.
Доктор мой. Ганнибал...»
Осень на улице мается,
Душу мне рвет на мечту.
Как же она не нравится,
Но я ее очень Люблю.

«Город страха, где боли не будет...»

Город страха, где боли не будет,
Где живут, позабыв про покой,
Удивительно легкие люди
С поразительно тяжелой судьбой.
Город холода и междометий,
Там, где лето — лишь дань простоте,
Одиноким платаном столетий
Посвящает меня — Тебе.
Чтобы мог я, замерзший в больное,
Утираясь шарфом от здорового,
Написать что-то очень родное,
Обобщенное этим городом,
Словно злой и уставший колдун,
Что так хочет быть добрым волшебником,
Я проклятия создаю,
На себя налагая ответственность.
Пусть же будет проклятие вечным,
А напутствие станет указкой.

Я Любовь здесь познал увечным,
Мое горе здесь стало сказкой.
Среди этих порталов с помехами
Так припомнил в себе человека,
Что кому-то теперь — как вера
В бесконечное чувство эха,
В то, что все же добра не убудет
В этом городе, ставшем мной,
Где живут очень чистые люди
С удивительно грязной судьбой.

«Спи, моя девочка, спят все кресты...»

Спи, моя девочка, спят все кресты,
Бог и подножный кал.
Я бы людей убивал и съедал,
Если бы, Соня, не ты...

Мир — сирота, и все люди — не те,
И в урчании быта я,
Если бы я проебал тебя,
Сгнил бы в своей пустоте.

Строки мои — это Песнь песней,
Это молитва моя.
Спи же, любимая. Спи, как земля,
Иначе тут лягут все...

Хочешь? Я вызову дьявола тризной,
Христа ему, хочешь, продам?
Только бы спалось тебе здесь — как там,
За полосой между смертью и жизнью.

Нахуй не нужен без нас этот мир —
Знаю. И тише пишу.
Это не скрип. Я так беса душу
С именем жалким моим...

Пальцы стучат по набору букв,
Гвозди вбиваю в ящик.
В ящике я пропащий,
Выбившийся из сук.
Жил без любви тридцать восемь лет.
Как? Кто мне скажет — как?
Бог — это, верно, мудрейший дурак,
Но без Любви Его нет...

«Мне кажется, что ты одна...»

Мне кажется, что ты одна,
Одна, как мир и как простуда,
Ты мной не выпита до дна,
А я б хотел, ведь я Иуда.

Поцеловать и заманить,
И на дороге лихо бросить,
Как окровавленную нить
Бесчестия длинною в просесть.

Мне кажется, что ты как все.
В одном лице, со всеми вместе
Сидишь на медленном крыльце
И ждёшь меня для липкой мести.

Очаровательная блядь,
Моя слепая королева.
Один лишь раз тебя обнять,
А после...
После смерть с припевом.

Мне кажется, что ты есть я,
Но только чище и коварней,
Но даже это все хуйня,
Но даже это — лжи бескрайней.

Ведь я живу. Дышу тобой,
Тобою, Рыжая, говею,
И словно выменял покой
На одиночество плебея.

Мне кажется... Ты любишь.
— Бог!!!

Я снова, сука, в тебя верю,
А в зеркале — все тот же лох,
Как жаль, что лох — не Бог,

Стареем...

«Пусть пути моего не узнает твой путь...»

Пусть пути моего не узнает твой путь,
Ну, а если же это совсем невозможно,
Дай мне силы на то, чтобы быть осторожным,
Дай мне честности в нем, и тебя обмануть,
Чтобы встретив Свой взгляд среди мира-вокзала,
Приговора мне два. Два бездонных кристалла.
Улыбнуться в ответ. Показать тебе fuck.
В ад уходит романтик, циничный простак.
Станцевать с Вами пого. Заманить тебя в блюз...
Прошептать еле слышно: «Влюбиться боюсь»,
Чтобы ты попросила: «Возьми мою грудь,
и тогда лишь тебя не узнает мой путь!»

«Мы с тобою, деффчонка, так верим в любовь...»

Мы с тобою, деффчонка, так верим в любовь,
Что, смотря в нашу жизнь, отвратительно,
Как ещё не пустили нам кровь
Эти в зависти злобные зрители.